Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Митрополит Иоанн (Снычев)

Расколы

Опубликовано:
Христианское чтение. 1991. № 6. С. 8-49.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2013

с посланием к петроградской пастве, в котором решительно выступил в защиту церковного единения и церковных правил. Вслед за этим Владыка был арестован. Суд над большой группой духовенства и мирян Петрограда, обвиненных в контрреволюционной деятельности, проходил с 10 июня по 5 июля 1922 г. 6 июля митрополит Вениамин был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в ночь с 12 на 13 августа. Вместе с митрополитом Вениамином мученическую кончину приняли архимандрит Сергий (Шеин Василий Павлович; род. 1871), председатель правления Общества православных приходов Петрограда и его губернии профессор Юрий Петрович Новицкий (род. 10.XI.1822) и юрисконсульт Александро-Невской Лавры Иван Михайлович Ковшаров.

Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 31 октября 1990 г. приговор Петроградского губернского ревтрибунала по делу митрополита Вениамина и всех 58 лиц, осужденных вместе с ним, был отменен и само дело производством прекращено «за отсутствием в их действиях состава преступления».

А. Б., А. Г.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский
Иоанн (Снычев)

Расколы*

Первым, кто не пожелал признать канонических прав на управление Церковью митрополита Сергия и кто преступно отверг Патриаршее возглавление, а признал коллегиальное, была группа епископов, возглавляемая архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским).

9/22 декабря 1925 года эта группа архиереев в количестве 10 человек без ведома Заместителя Патриаршего Место-

* Лекция, прочитанная митрополитом Иоанном 11 февраля 1988 г. в Актовом зале Духовной Академии.

блюстителя собралась в Москве в Донском монастыре на совещание и образовала Малый Собор Епископов, или Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), для ведения текущих церковных дел. В состав Совета вошли: архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), архиепископ б. Могилевский Константин (Булычев), епископ Можайский Борис (Рукин), епископ Симбирский Виссарион (Зорин), епископ Переяславский Дамиан (Воскресенский), епископ Каменский Иннокентий (Бусыгин) и епископ Усть-Медведицкий Тихон (Русинов). Председателем ВВЦС был избран архиепископ Григорий.

Три епископа: Вассиан (Пятницкий), б. Егорьевский, Митрофан (Русинов) Уразовский и Иоанникий (Соколовский) остались в их подчинении.

Собор Епископов утвердил себя временным органом управления Русской Православной Церковью с правом заведовать всеми церковными делами в православных приходах по всей территории СССР. В круг своих обязанностей он включил также заботу об установлении общения с православными Восточными Патриархами. ВВЦС свою деятельность ограничил до избрания Собором нового церковного управления.

2 января 1926 года Временный Высший Церковный Совет получил регистрацию от гражданской власти и приступил к своей деятельности. Так возник григорианский раскол.

Об образовании григорианского Совета митрополит Сергий узнал из газеты «Известия» от 7 января 1926 года и, желая удостовериться в истинности сообщаемого, 14 января обратился из Нижнего Новгорода к архиепископу Григорию с письмом, в котором просил последнего ответить, действительно ли то, что сообщается в «Известиях», и как он мыслит с точки зрения канонов образование ВВЦС.

9/22 января архиепископ Григорий ответил Заместителю, что сообщаемое в газете соответствует действительности и что свои действия оправдывает тем, что попечение о Церкви Божией «...лежит вообще на всех и на каждом в отдельности епископе, а не на одном, хотя бы и высшем». Переданную же власть управления митрополиту Сергию по единоличному письму считает не соответствующей духу и букве канонов.

В этом же письме председатель ВВЦС приглашал митрополита Сергия принять участие в делах Совета. Подобное

приглашение он подтвердил телеграммой от 14/27 января 1926 года.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, убедившись в нераскаянности группы архиереев 16/29 января 1926 года всех епископов, принимавших участие в организации ВВЦС или вошедших в его состав, предал Соборному суду архиереев, запретил их в священнослужении и устранил от управления епархиями и викариатствами. Кроме того, признал все их действия (рукоположения, назначения, награды и т. п.) с 22 декабря 1925 года недействительными и запретил верным всякое молитвенное с ними общение.

Решение митрополита Сергия было подписано 24 архиереями, бывшими в то время в Москве и приехавшими в Нижний Новгород для рукоположения.

Архиепископ Григорий, архиепископ Константин и епископ Дамиан 19 января 1926 года обратились к митрополиту Петру с просьбой благословить и утвердить их Совет и аннулировать полномочия митрополита Сергия. О наложенном на них запрещении они умолчали.

Патриарший Местоблюститель не утвердил ВВЦС, а 1 февраля написал резолюцию об образовании коллегии из трех архиереев: архиепископа Владимирского Николая (Добронравова), архиепископа Томского Димитрия (Беликова) и архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского).

Коллегия трех была только «спроектированной». Она не вошла в жизнь.

С резолюцией митрополита Петра, написанной вследствие обмана Советом, митрополит Сергий не согласился и прав своих на управление Церковью не снял с себя. В марте 1926 года он известил Местоблюстителя о действительном положении церковных дел и о наложенном им запрещении на самочинников. Митрополит Петр согласился с митрополитом Сергием и подтвердил его права на управление Церковью. А 9 июня 1926 года упразднил «спроектированную» им (митр. Петром) коллегию и еще раз признал решения, наложенные его Заместителем на архиепископа Григория и других архиереев, справедливыми и остающимися в силе.

С этого дня ВВЦС потерял всякую возможность скрывать себя под личиной канонического покрова и обречен был на полное замирание.

5/18 апреля 1926 года митрополит Ярославский Агафангел, возвращаясь в епархию, чрез свое послание объявил

о своем вступлении в качестве Патриаршего Местоблюстителя в управление Православной Российской Церковью. Свое вступление он мотивировал тем, что он является старейшим архиереем и что это якобы дает право быть Патриаршим Местоблюстителем на случай кончины Патриарха; что его избрал Синод 7 ноября 1920 года первым Патриаршим Заместителем; и что, наконец, он был указан в завещании Святейшего вторым кандидатом в Местоблюстители.

Однако все эти мотивы теряли свою каноническую основу при действующей законной власти в лице Патриаршего Местоблюстителя Петра и его Заместителя митрополита Сергия. Митрополит Агафангел явно поступил как самочинный посягатель на церковную власть.

Митрополит Сергий, учитывая, что притязания Ярославского митрополита направлены к разрушению церковного единства и к церковному нестроению, 10/23 мая 1926 года, опираясь более чем на 25 архиереев, в решительном тоне просит митрополита Агафангела отменить свое послание и отказаться от своих незаконных притязаний на Местоблюстительство.

А на следующий день, 11/24 мая, Заместитель, определив тяжесть преступления митрополита Агафангела против церковного единства, предал последнего суду православных архиереев.

14/27 мая 1926 года митрополит Агафангел телеграммой известил митрополита Сергия о своем намерении, ради мира церковного, отказаться от Местоблюстительства. Но 1 июня он, основываясь на письме митрополита Петра от 22 апреля 1926 года, принял канцелярию Патриаршего Местоблюстителя и известил об этом митрополита Сергия.

9 июня митрополит Петр в своем письме на имя митрополита Агафангела подтвердил передачу последнему своих Местоблюстительских прав, но Ярославский митрополит ввиду преклонных лет и расстроенного здоровья 12 июня 1926 года от Местоблюстительства отказался, не дожидаясь над собой церковного суда.

Двадцать четыре архиерея на письмо Заместителя от 11/24 мая 1926 года высказали свое мнение о мере наказания митрополиту Агафангелу. Они решительно заявили, что если митрополит Ярославский Агафангел не откажется от притязаний на Местоблюстительство, то, в целях сохранения церковного единства и скорейшей ликвидации возникшего

нового церковного раскола, немедленно наложить запрещение в священнослужении. Митрополит Сергий, не приводя в исполнение требования собора православных епископов, 13 июня 1926 года предложил митрополиту Агафангелу в недельный срок отказаться от своих притязаний.

17 июня 1926 года Ярославский митрополит телеграммой ответил Заместителю, что он уже отказался от замещения должности Патриаршего Местоблюстителя, о чем доложено митрополиту Петру 12 июня и доведено до сведения Советской власти письмом от 8 июня.

Так был предотвращен церковный раскол в Русской Церкви и сохранено за митрополитом Сергием каноническое преемство церковной власти.

8 декабря 1926 года митрополит Сергий за невозможностью физически управлять Церковью (с 13 декабря 1926 г. по 30 марта 1927 г. находился под арестом) передал временно свои права архиепископу Угличскому Серафиму (Самойловичу).

Ровно четыре месяца управлял Церковью архп. Серафим, ведя борьбу с разными возникшими расколами. 7 апреля 1927 года он передал свои временные права митрополиту Сергию, и последний вновь вступил в управление Церковью. Теперь перед ним остро встал вопрос о легализации Церкви и создании прочной основы церковной жизни.

18 мая 1927 года на совещании епископов митрополит Сергий учреждает при себе Временный Патриарший Синод, права которого проистекают из него (Заместителя) и вместе с ним падают.

20 мая 1927 года последовало разрешение от гражданской власти приступить Синоду к деятельности.

Митрополит Сергий и его Временный Патриарший Синод получили легализацию.

А 16/29 июля 1927 года он (митр. Сергий) выступил с посланием ко всем архипастырям, пастырям и чадам Русской Церкви, в котором со всей ясностью заявил о полной лояльности к Советской власти и государству, радости которых, успехи и неудачи считались радостями, успехами и неудачами самой Церкви. Митрополитом Сергием и Синодом был взят новый курс церковной политики.

Эти шаги руководства Церкви резко изменили отношение к нему отдельных епископов и мирян и породили в церковной

среде большое смущение. Отдельные группы духовенства и мирян готовились к отделению от митрополита Сергия.

Первым, кто положил начало отделению от Заместителя, был епископ Глазовский Виктор (Островидов). В послании митр. Сергия от 16/29 июля он усмотрел отпадение последнего от Православия и разрушение Церкви и выразил в адрес Заместителя свое негодование. А когда его назначили в Шадринск, он от перемещения отказался и заявил митр. Сергию о своем от него отделении. Его примеру последовало несколько уездных приходов в Вятской епархии. Епископ Виктор был запрещен в священнослужении, но он, уже как раскольник, продолжал служить. Впоследствии он принес покаяние.

В Ленинграде 13/26 декабря два викария: еп. Гдовский Димитрий (Любимов) и заштатный епископ Сергий (Дружинин) и группа духовенства и мирян, несогласные с политикой, проводимой Заместителем, и видя в ней как бы прямое искажение чистоты Православия и порабощение Церкви государством, после ряда обращений к митр. Сергию с просьбой отказаться от нового церковного курса, с благословения митр. Иосифа совершили акт отхода от Заместителя и единомысленного ему епископата и порвали с ним молитвенно-каноническое общение.

Образовался так называемый иосифлянский раскол. Его в феврале 1928 года возглавил митр. Одесский Иосиф (Петровых), выразивший в сентябре 1927 года свое недовольство Заместителю и Синоду за перевод его из Ленинграда в Одессу.

Нахожу нужным более подробно осветить появление иосифлянского раскола и борьбу с ним.

Как же все произошло? Проследим внимательно ход событий.

12 сентября 1927 года митр. Сергий, учитывая то, что митр. Иосиф (Петровых) не проживает в Ленинграде, перевел последнего в Одессу, где необходим был стойкий иерарх для борьбы с живоцерковниками. Митр. Иосиф назначение не принял. Он признал свой перевод в Одессу незаконным и известил об этом митр. Сергия письмом от 28 сентября 1927 года.

Объятый душевными переживаниями, вызванными постановлениями Синода об его перемещении, митр. Иосиф не скрыл своего протеста от ленинградской паствы. Он не только

поделился своими скорбями с прибывшим к нему епископом Димитрием (Любимовым), вик. Ленинградской епархии, но познакомил его с содержанием своего письма, отправленного к митр. Сергию.

Последний, то есть еп. Димитрий не замедлил в свою очередь передать кое-кому из ленинградцев о создавшемся настроении митр. Иосифа. Так от одного к другому распространялся слух о несогласии их митрополита с распоряжением Синода и производил немалое смущение и разные толки как среди духовенства, так и мирян. Правда, смущение в народе возникло еще раньше, когда неведомые лица огласили тайно постановление Синода о перемещении митр. Иосифа в Одессу, но тогда это смущение могло бы быстро прекратиться, а теперь, когда стало известно, что их любимец и страдалец за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает свой протест против него, смущение народное достигло крайних пределов.

Оно клокотало в народных сердцах и готово было могучей лавиной обрушиться на деяния митр. Сергия и временного при нем Патриаршего Синода. То там, то здесь и особенно около храмов можно было видеть кучки людей, рассуждающих о происшедшем и открыто выражавших свой гнев против митр. Сергия.

«Ну, как вы думаете,— спрашивали один другого,— справедливо ли поступил митр. Сергий с нашим митрополитом?»— «Да где уж там справедливо! — едва сдерживая гнев, говорили другие.— Вы только подумайте, человека не спросили, желает ли он перейти в другую епархию или нет, а так, взяли да и перевели. Вот вам и справедливость. Да откуда она может быть? Сергий и его Синод власти предались и угождают ей безмерно. А того не разумеют, что Церковь Православную губят».

Подобные рассуждения и разговоры ярко свидетельствовали о том смущении, которое возникло среди народа после того, как слухи о переводе митр. Иосифа подтвердились самим признанием митрополита.

Народное возмущение с каждым днем нарастало. Тогдашний временно управляющий Ленинградской митрополией еп. Петергофский Николай (Ярушевич), опасаясь, вероятно, за дальнейшую судьбу епархии, счел необходимым 9 октября 1927 года доложить в письменном виде митрополиту Сергию и Синоду о состоянии Ленинградской митрополии. В своем

докладе он, конечно, не обошел молчанием митр. Иосифа, и часть вины в народном возмущении была возложена на него.

Так обстояло дело в Ленинграде. Не лучшим оно было и в самом Ростове, где проживал и служил за отсутствием архиерея митр. Иосиф.

Спустя немного времени после постановления Синода о перемещении последнего в Одессу, митр. Сергий, с той ли целью, чтобы заставить митр. Иосифа быстрее выехать к месту своего назначения, или, быть может, с еще какой-либо другой, 1 октября 1927 года назначил из Краснодара в Ростов викарием Ярославским еп. Иннокентия (Летяева).

Последний едва только приехал в Ростов, как сразу же встретил ряд неприятностей со стороны ростовцев. Нашлись такие личности, которые приезд нового епископа оценили как желание Синода удалить из города митр. Иосифа, и по этой причине они оказали полное противодействие еп. Иннокентию. Некоторые жители открыто показывали свои антипатии к новому ерхиерею и не стеснялись в обращении с ним допускать разные грубости.

Подобное отношение ростовских жителей крайне смутило еп. Иннокентия. Он буквально был поражен тем нерасположением, которое оказала ему ростовская паства. Однако виновником всего этого он признал митр. Иосифа. Правда, митр. Иосиф упрашивал его не смущаться теми грубостями, которые выказывали ему отдельные жители, и спокойно приступить к своему делу, но еп. Иннокентий оставался непреклонным. Он почему-то глубоко был убежден в том, что митр. Иосиф вмешивается в епархиальное управление и расстраивает церковную жизнь в епархии. И до тех пор, пока митр. Иосиф будет пребывать в Ростове, он не сможет спокойно управлять своей паствой. Он пишет специальный рапорт и 10 октября 1927 года отправляет его на имя митр. Сергия.

Так печально складывались обстоятельства для митр. Иосифа. Волнение произошло в двух епархиях: в Ленинградской и Ростовской,— ни там, ни здесь не желали лишиться архипастырского руководства митр. Иосифа, а сам митрополит своим отказом от перемещения поддерживал в них это желание и укреплял его.

Как же отнесся ко всему этому митр. Сергий и Свящ. Синод?

Когда Заместитель Патриаршего Местоблюстителя получил три письменных документа: письмо-заявление митр. Иосифа, доклад еп. Петергофского Николая и рапорт еп. Ростовского Иннокентия, то он немедленно созвал членов Синода и на сессии 12 октября еще раз тщательно обсудил дело о перемещении митр. Иосифа.

Синод и митр. Сергий вынесли решение: «...Преосвященному Иосифу прекратить именоваться Ленинградским, на что он, по каноническим правилам, не имеет права, и принять со своей стороны возможные меры к послушанию Высшей Церковной Власти и успокоению ленинградской и ростовской паств».

Вслед за этим, не без совещания, конечно, с членами Синода, митр. Сергий 8/21 октября 1927 года издал указ за № 549 о поминовении во всех храмах Русской Церкви за богослужением предержащей власти и об отмене такового поминовения всех епархиальных архиереев, находящихся в ссылках.

Оба мероприятия митр. Сергия: постановление о переводе митрополита Иосифа в Одессу и распоряжение о поминовении власти за богослужением — послужили еще большей вспышкой и без того накаленной добела душевной атмосферы ленинградцев.

Волнение и внутренние протесты как среди духовенства, так и простых мирян уже существовали. Они были вызваны декларацией митр. Сергия. Почва для всяких вспышек была уже подготовлена, и потому нет ничего удивительного в том, что указанные выше мероприятия митр. Сергия и Свящ. Синода были встречены ленинградской паствой с большим возмущением и даже негодованием.

Во вторник 25 октября, как было предписано постановлением Свящ. Синода, еп. Николай (Ярушевич) за всенощным бдением (по случаю празднования Иверской иконы Божией Матери) в кафедральном соборе Воскресения Христова г. Ленинграда ознакомил верующих с последними событиями церковной жизни и, в частности, объявил народу о состоявшемся перемещении на Одесскую кафедру митр. Иосифа, причем он указал и причины, ради которых совершился перевод.

Подчеркивая тот момент, что митр. Иосиф не может прибыть в Ленинград, еп. Николай убеждал верующих душой

проститься с своим архипастырем и молитвенно напутствовать его на новое служение в другой епархии.

Сообщение хотя и не новое, но тем не менее оно произвело весьма тяжелое впечатление на слушателей. Одни со слезами, а другие, споря между собой о случившемся, возвращались от всенощной с надломленной душой к себе на квартиры.

Но среди них были и такие, которые подготавливали уже открытый протест против мероприятий и самой политики митрополита Сергия. В какой форме созревал этот протест, мы скажем ниже, а теперь остановимся на том, как отнесся к вторичному постановлению о переводе митр. Иосиф.

Мы уже говорили, что митр. Иосиф после того, как отправил свое письмо митр. Сергию, ожидал либо своего вызова в Синод, либо письменного ответа.

Ожидания оказались напрасными: ни того, ни другого не последовало. Вместо вызова и простого письма он, к великому своему огорчению, получил выписку из постановления Свящ. Синода, которой подтверждалось его перемещение в Одессу.

В его сердце с еще большей силой заговорило самолюбие. Он ни в какой мере не хотел согласиться с предписаниями митр. Сергия и Синода. Все их действия казались ему теперь не только несправедливыми, но и направленными против Христовой Церкви.

Молчать об этом митр. Иосиф не мог, и потому он решил защищать себя и обличать ложь стоящих у власти церковных деятелей. К этому, как ему казалось, побуждал его высокий пост, на который он был поставлен.

17/30 октября 1927 года он пишет второе письмо Заместителю, в котором открыто заявил, что не может оказать послушания Высшей Церковной Власти, которая якобы сама находится «в плачевно-рабском послушании совершенно чуждому Церковному началу».

ПОДГОТОВКА К РАСКОЛУ

Нам неизвестно, получил ли митр. Иосиф какой-либо ответ от митр. Сергия на свое письмо от 17/30 октября 1927 года. Возможно, что ответа никакого не было. Вероятнее всего митр. Сергий счел за лучшее либо вызвать к себе лично митрополита Иосифа, либо послать к нему кого-нибудь из членов

Синода для беседы с ним. Дело закончилось тем, что митр. Иосиф искренне заверил митр. Сергия и Синод, что он молча и добровольно отойдет в сторону от церковной жизни и что ни на какой раскол не пойдет и даже подчинится «беззаконной» над ним расправе — вплоть до запрещения и отлучения (письмо митр. Иосифа к архим. Льву, февр. 1928 г.), однако подобное заверение было только до времени. Ниже мы увидим, во что вылилось его заверение, а теперь отметим, что митр. Иосиф действительно на какой-то срок отошел от церковной жизни и молча наблюдал из Ростова ярославского за ходом событий, возникавших на церковной арене.

В то время, когда происходил спор между митр. Сергием и митр. Иосифом, в Ленинграде шла усиленная подготовка к оппозиции и расколу.

Выступление еп. Петергофского Николая (Ярушевича) в кафедральном соборе Воскресения Христова во вторник 25 октября 1927 года не прошло бесследно. Оно, как мы видели, произвело на слушателей тяжелое впечатление, и в одних оно вызвало слезы, у других споры, а у третьих внутреннее негодование.

Известие из уст епископа о переводе митр. Иосифа разрушило ту преграду, которая в какой-то степени сдерживала еще внутренний поток протеста, и струи возмущения могучей лавиной хлынули наружу, охватывая на своем пути все большее и большее число людей.

Нашлись такие лица, которые не ограничились одним устным осуждением выступления еп. Николая, они решили в письменной форме изложить ему свой взгляд на постановление Синода и убедить его стать на защиту справедливости.

Это было небольшое облачко, предвещавшее грядущую бурю.

Церковные события так быстро возникали одни за другими, что все, казалось, способствовало появлению раскола.

Митр. Сергий, как временно возложивший на себя управление Ленинградской паствой, намерен был посетить Ленинград. Объявлен был даже день его приезда, и многие с нетерпением ждали этого дня, чтобы лично высказать свое недовольство митрополиту за его якобы несправедливое отношение к ним и к митр. Иосифу. Но ожидания оказались напрасными. Митр. Сергий не приехал. Вместо него прибыл архиеп. Хутынский Алексий (Симанский) с особым поручением от Синода.

31 октября 1927 года в Новодевичьем монастыре состоялась хиротония архим. Сергия (Зенкевича) во епископа Детскосельского. Народ был поражен этим событием, считая, что подобная хиротония незаконна. Детскосельская паства признавала своим епископом Григория (Лебедева) Шлиссельбургского, находившегося в то время в заключении, о нем она молилась и в новом епископе не имела никакой нужды (письмо Н. Чепурина к еп. Мануилу от 17/30 апр. 1928 г.).

Церковная атмосфера все более и более накалялась. Ошибка Синода и митр. Сергия состояла в том, что слишком поспешно проводилась ими новая церковная политика с момента издания последними декларации без особого учета подготовленности духовенства и мирян к новым реформам. Это именно и признавалось иосифлянами одной из причин возникновения раскола. (См. письмо свящ. В. Бушуева к Приходскому Совету и прихожанам Спасо-Преображенской г. Серпухова церкви от 20 апреля 1929 г.)

Как следствие подобной ошибки явились те печальные факты, которые отрицательно повлияли на жизнь Ленинградской епархии.

Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях отказались совершенно выдавать денежные средства на содержание Епархиального Управления, прекратили приглашать на богослужения еп. Петергофского Николая, как сторонника сергиевской политики, а многие верующие, в знак протеста, перестали посещать те храмы, где возносилось имя митр. Сергия за богослужением. Волна недовольства все увеличивалась. Она коснулась не только простых верующих, но и низшего духовенства.

Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия. Они не согласны с той политикой, которую проводил в жизнь Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В ней они видели прямое искажение чистоты Православия и порабощение Церкви государством.

До времени они как-то еще мирились с новой политикой митрополита Сергия и ожидали печальных ее плодов. Теперь же, когда отрицательные плоды новой политики Церковной Власти были как бы налицо, эти пастыри возвысили свой голос протеста. Раскол приближался. На фоне народного

недовольства видны были самые очертания его величины и широты.

Но, желая, однако, предотвратить так неминуемо надвигавшееся разделение, группа духовенства и мирян г. Ленинграда решила предупредить об этом митр. Сергия и, если возможно, упросить его, чтобы он изменил намеченный им курс церковной политики, от которого, как они были убеждены, исходило все зло.

Проф. прот. Верюжский написал от имени духовенства и мирян специальное обращение к митр. Сергию, в котором указал основные пункты, являвшиеся причиной разделения.

Вот эти пункты:

«1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государству в той форме, какую Вы найдете более подходящей, но которая делала бы ясным для верующих таковой Ваш отказ.

2. Отказаться от перемещений и назначений епископов, помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых или назначенных епископов, ибо таковые перемещения и назначения являются ударом по Церкви, нанесенным Вашею рукою.

3. Поставить Временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, состоящего лично при Вас и полномочия которого прекращаются с прекращением Ваших полномочий. Вследствие этого все распоряжения и постановления, исходящие от Высшего Церковного Управления, должны объявляться только от Вашего имени, но не от имени Синода, хотя бы они предварительно и рассматривались в нем.

4. Пересмотреть состав Временного Патриаршего Синода и удалить из него пререкаемых лиц, в особенности митр. Серафима Тверского (Александрова) и архиеп. Алексия (Симанского), которые являются совершенно неприемлемыми для православных верующих.

5. При организации Епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917—18 г. и особенно авторитет епископата, который так блестяще оправдал себя в тяжелое время борьбы с обновленчеством.

6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа, так как только этой мерой может быть установлен церковный мир в епархии.

7. Во избежание излишних разговоров и волнений впредь до назначения постоянного митрополита отменить возношение Вашего имени во время богослужения.

8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о страдальцах за церковь Христову и возношении молений за гражданскую власть, так как таковое распоряжение при современных условиях государственной и общественной жизни является ни чем иным, как прямым издевательством над религиозным сознанием верующих.

9. Мы убеждены, что только такими мерами возможно успокоить взволнованное Вашей декларацией церковное общество и тем предотвратить неизбежный в противном случае раскол в Церкви. Поэтому мы призываем Вас, Владыко, вспомнить Святейшего Патриарха Тихона, который не стеснялся никакими обстоятельствами в отношении отмены своих распоряжений, когда он убеждался, что они не находят себе поддержки в церковном сознании верующих».

В самом начале декабря 1927 года обращение это было направлено Заместителю. И тем временем, пока ожидался ответ, между духовенством и мирянами, сторонниками митр. Иосифа, разрабатывался план дальнейшего действования. Участие в нем принимали уже не одни рядовые пастыри и миряне, но и епископы и представители верующих академических и народных кругов.

На общем собрании, после обсуждения назревших вопросов, решено было в срочном порядке, не дожидаясь ответа на свое обращение, отправить своих представителей к митр. Сергию и лично с ним в беседе выяснить основную его точку зрения на все происходившее в Ленинградской епархии. Сторонники митр. Иосифа явно спешили. Они боялись промедления. Боялись, что каждая минута отсрочки принесет для них и для их паств большой душевный вред, а для Православия — измену. Им хотелось как можно быстрее либо заставить митр. Сергия изменить проводимую им церковную политику и признать ее не обязательной для всех, либо, в случае несогласия, освободить себя из-под его духовной опеки и стать на самостоятельный путь.

На том же самом собрании были выделены для посольства: от высшего духовенства — еп. Гдовский Димитрий (Лю-

бимов), от низшего — проф. прот. В. Верюжский, а имена представителей от научных работников и от мирян остались неизвестными.

Характерно, что каждый представитель, кроме представителя от мирян, снабжен был особым письмом для предъявления его митрополиту Сергию.

Каждое письмо или заявление было подписано теми лицами, к какому сословию относился тот или иной представитель собрания.

Письмо, посылаемое с еп. Димитрием, было подписано шестью епископами (имен этих епископов так и не удалось установить. Мы предполагаем, что это были: еп. Димитрий (Любимов), еп. Сергий (Дружинин), еп. Серафим (Протопопов), еп. Григорий (Лебедев) и кто-то еще), а остальные письма — священниками и верующими из академической среды и мирянами.

О чем писали епископы и ученый мир, нам доподлинно неизвестно, их письма не сохранились. Но письмо от группы священников и мирян сохранилось. Оно было составлено прот. Феодором Андреевым, б. доцентом Московской Духовной Академии и магистром богословия.

В обращении духовенства и мирян конкретно были указаны основные цели. Митрополиту Сергию предлагалось в ближайший срок либо изменить свою церковную политику, либо, в случае несогласия с его стороны, они прекратят с ним молитвенно-каноническое общение.

В таком же, вероятно, духе было написано письмо епископов и заявление представителей академической среды.

12 декабря представители духовенства и мирян Ленинградской епархии в количестве четырех человек во главе с еп. Димитрием (Любимовым) явились в резиденцию митр. Сергия на беседу.

Митрополит принял их радушно и в течение двух с половиной часов (с 11 до 13 ч. 30 мин.) читал их письма, задавал вопросы и отвечал.

Не достигнув никаких результатов от беседы, делегация удалилась.

В среду 1/14 декабря в 7 час. 10 мин. утра митр. Сергий принял одного из приходивших к нему на беседу, а именно представителя ученого мира, и передал ему в письменной форме ответ на шесть (из восьми) пунктов обращения духовенства и мирян, составленного проф. прот. В. Верюжским.

Ответ, конечно, был не в пользу просителей. Он шел в полный разрез с теми чаяниями, к которым стремилась лучшая часть ленинградского духовенства и мирян. Естественно, что после такого ответа эта часть пастырей и мирян целиком и полностью принадлежала уже к расколу.

Митр. Сергий убеждал пришедшего к нему представителя согласиться с ним и, почти прыгая по комнате, говорил: «Ну нас гонят, а мы отступаем! Но зато мы сохраним единство Церкви!»

Представитель пришел к убеждению, что сговориться с ним невозможно. «Да вразумит Вас Господь Бог, Владыко!» — сказал он и, поклонившись, вышел.

Ни личная беседа, ни письменные заявления и ничто другое не могло переубедить митр. Сергия в его намеченном плане — сохранить внешний организм Церкви в условиях Советского государства. Он оставался непреклонным.

Прибывшая к нему на беседу делегация после такого неудачного собеседования возвращалась к себе в Ленинград с глубоким разочарованием и с полным намерением порвать всякое молитвенное общение с митр. Сергием.

Терпеть долее такое, как им казалось, насилие над Церковью, они уже не могли. Наступил момент, когда все, что так кипело и бурлило внутри, должно было вылиться наружу и образовать из себя самостоятельный поток церковной жизни, независимой от митр. Сергия. Было созвано срочное совещание духовенства и мирян во главе с еп. Димитрием для обсуждения назревших вопросов, касавшихся отделения от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Им, видимо, хотелось обосновать свой отход на достаточной законности. Для этой цели в первую очередь необходимо было подвести под какую-либо ересь деяния митр. Сергия. Но так как в действиях первоиерарха не было таких проступков, которые прямо бы говорили о ереси и на что имелось бы прямое указание церковных правил, то они прибегли к субъективной оценке факторов и некоторые деяния митр. Сергия признали беззаконными, в которых якобы усматривалось его духовное падение и, следовательно, отпадение от Церкви, что давало уже, согласно 15 пр. Двукратного Собора, полное основание на отмежевание.

Какие деяния митр. Сергия признали они таковыми, можно видеть из письма еп. Димитрия (Любимова) к духовенству ст. Сиверской.

Вот что он писал: «Вас смущает прежде всего то, что мы так долго не порвали канонического общения с митр. Сергием, хотя и послание его и дело митр. Иосифа давно уже были перед нашими глазами. На сие ответствую так:

Последнее представлялось нам первоначально одним из обычных даже для Патриарха подтверждений о невмешательстве Церкви в дела гражданские. И нам пришлось изменить отношение к нему лишь тогда, когда обнаружилось, что послание начинает оказывать сильное влияние и на дела чисто церковные и искажать не только канонически, но даже и догматически лицо Церкви. Плоды его выявились не сразу, а самые крупные из них, по крайней мере, до сего времени, отразившиеся и на нашей епархии, следующие:

1. Закрепление временного Синода, который в сущности не Синод, т. к. не представительствует совершенного Лица Русской Церкви, а простая канцелярия, каковой первоначально представил его митр. Сергий, в качестве соуправляющего заместителя органа, без которого уже ни одно решение не исходит от митр. Сергия, что является незаконным и самочинным действием. Искажен самый патриарший образ управления Церковью.

2. Одновременно с таким самоограничением митрополита в своих правах является требование возносить имя его вместе с Местоблюстителем митр. Петром, что еще более искажает единоличную форму правления Церковью, установленную Собором 1917—18 г., да и вообще противно духу св. Церкви, никогда не допускавшей на одно епископское место двух соуправителей или хотя бы именования двух имен с одинаковым значением.

3. Также незаконно и объясняемое, по словам митр. Сергия, лишь гражданскими причинами, массовое (до 40 случаев) перемещение епархиальных епископов, между тем как во все времена, когда св. Церковь не пользовалась покровительством гражданской римской власти и долгое время после св. Константина, такое перемещение считалось недопустимым и должно стать таковым же и теперь, когда христианская Церковь, как в языческом Риме, отделена от государства и перемещения возможны лишь тогда, когда в этом есть несомненная церковная, а не гражданская польза отдельных епархий и то лишь с добровольного согласия перемещаемых. Вообще теперь, как во времена языческие, благо Церкви заключается именно в духовном единении на всю жизнь епис-

копа (и священника) со своею паствою, а не в том, как представляет митр. Сергий, чтоб переводить епископов с места на место и не давать им возможности «познать свою братию».

4. Такую же цель принизить значение епископа для епархии имеют и учрежденные ныне епархиальные советы, под надзор которых будет попадать каждый вновь назначенный на епархию епископ.

5. Незаконно и требование, обращенное митр. Сергием к русским православным людям, помимо отношения внешней подчиненности к гражданской власти, которую они доблестно являли в течение десяти лет, не нарушая гражданского мира и не восставая против законов страны, не противоречащих христианской совести,— незаконное требование от них и внутреннего признания существующего строя и общности в радости и печали с людьми, совершенно чуждыми и враждебными Церкви.

Таковы первые плоды, возросшие на почве послания, другие подрастают еще и о них говорить преждевременно, но и явившихся оказалось достаточно для того, чтобы поставить пред совестью вопрос о дальнейшем отношении к митр. Сергию и его делу.

После письменных и устных переговоров с ним, не давших ничего, кроме новых подтверждений неизменности нового направления церковной жизни, часть здешнего духовенства заявила о своем отказе считать митр. Сергия действительным Заместителем митр. Петра и главы Русской Церкви, ввиду допущенных им правонарушений, а т. к. последние искажают догматическую сторону Церкви (соборность, святость и др., о чем сказано в обращении к митр. Сергию) и самое преступление митр. Сергия не что иное, как падение и, следовательно, отпадение от св. Церкви, то, согласно 15 пр. Двукратного Собора, мы и должны были еще до соборного решения порвать духовное общение с митр. Сергием, оставшись в каноническом единении с митр. Петром и ближайшим законным и единомысленным епископом».

Таким образом, пять основных пунктов деяний митр. Сергия были признаны ими как явно носящими в себе беззаконие и отступление от Церкви. А этого уже было достаточно для того, чтобы обвинить митр. Сергия в ереси и, не дожидаясь соборного о нем решения, со спокойной совестью отойти от него.

Теперь оставалось решить еще один вопрос — порывать ли молитвенно-каноническое общение только с одним митр. Сергием или же и с теми епископами, которые будут находиться с ним в единении?

Вопрос решили положительно, то есть признали, что необходимо отойти не только от митр. Сергия, но и от всех единомышленных ему епископов, как соучастников его беззаконий. Это уже было открытое обвинение в ереси не одного иерарха, но и целого сонма российского епископата, независимо от того, где какой епископ находился: на свободе или же в ссылке.

Это обвинение дополнилось еще одним более тяжким преступлением. Присутствующие на совещании пришли к такому выводу, что раз митр. Сергий и единомышленный ему епископат впали в ересь — отступление, то, следовательно, и лишились Божественной благодати, по этой причине они признали их безблагодатными.

Вопрос о благодатности низшего духовенства, по причине многих смущений, оставлен на будущее.

Итак, обсудив все вопросы и придя к общему согласию, они приступили к делу.

Два викария Ленинградской епархии: еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергий (Дружинин) и несколько видных протоиереев подготовили акт отхода. Они торопились. К этому их побуждали распространявшиеся слухи о том, что они будут подвергнуты запрещению в священнослужении за свое самочиние, и чтобы избежать этого и сделать запрещение митр. Сергия как бы недействительным, они и спешили порвать с ним молитвенно-каноническое общение (Слово митр. Мануила, сказанное в Зверинском подворье в г. Ленинграде 30 апр. 1928 г.).

На свое деяние они получили благословение митр. Иосифа.

В какой же обстановке произошло разделение?

После неудачной беседы с митр. Сергием еп. Димитрий и профессор В. Верюжский имели совещание с еп. Сергием, прот. Ф. Андреевым и другими единомышленниками. С общего согласия было решено официально объявить митр. Сергию о своем отложении от него.

Инициативу руководства в этом деле взяли на себя оба викария: еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергий (Дружинин).

Был составлен письменный акт отхода, предназначенный для вручения его представителю Московской Патриархии.

Когда все уже было подготовлено, еп. Димитрий пригласил к себе на квартиру еп. Сергия, еп. Серафима (Протопопова), двух протоиереев: В. Верюжского и Ф. Андреева — своих единомышленников и еп. Петергофского Николая (Ярушевича) — заместителя временно управляющего Ленинградской епархией митр. Сергия. В присутствии указанных лиц оба епископа, Димитрий и Сергий, заявили еп. Николаю, что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митр. Сергием, заместителем Патриаршего Местоблюстителя, и, как доказательство всему этому, вручили ему заранее приготовленный и подписанный акт отхода, в котором говорилось:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сие есть свидетельство совести нашея (2 Кор. 1, 12), непозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, Митрополитом Нижегородским и его Синодом и со всеми, кто единомыслен с ним. Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение («и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия»). (Из послания Африканского собора к папе Келестину.) И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митр. Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устроение русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит.

Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, митр. Крутицкого, и имея благословение нашего законного епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митр. Сергием и со всеми, кого он возглавляет; и впредь до суда «совершенного собора местности», т. е. с участием всех православных епископов, или до открытого и полного покаяния перед Святою Церковью самого Митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет «да не преступаются пра-

вил отец»... и да не утратим по малу неприметно тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков (из 8-го правила III-го Вселенского Собора). Аминь.

Декабря 13/26 дня 1927 г.

Епископ Сергий
Епископ Димитрий».

Акт разделения совершился. Это произошло 13/26 декабря 1927 года.

О всем, что произошло в квартире еп. Димитрия, еп. Николай 14/27 декабря сообщил митр. Сергию и ожидал от него дальнейших указаний.

Печальные вести из Ленинграда не могли радовать Заместителя Патриаршего Местоблюстителя; они словно тяжелый камень били по его сердцу и причиняли глубокие раны. Но опускать руки было нельзя. Требовалась разумная поспешность, ибо всякое промедление грозило усилением раскола.

Едва только он получил от своего заместителя по управлению Ленинградской епархией сообщение об отколовшихся от церковного единства, как немедленно созвал внеочередную сессию Патриаршего Синода и 17/30 декабря 1927 года вынес постановление за № 208 о запрещении в священнослужении впредь до раскаяния еп. Димитрия и еп. Сергия (ЖМП. 1932. № 9—10. С. 8). О постановлении Синода телеграфом было сообщено еп. Николаю с указанием применить те же самые меры прещения и в отношении священнослужителей, заявивших о своем отделении.

В этот же день еп. Петергофский Николай наложил запрещение в священнослужении на прот. В. Верюжского, прот. Ф. Андреева и других священников.

Но этим действием митр. Сергий не ограничился. Церковные раздоры и смуты, вызванные его декларацией в разных уголках России, тревожно отзывались в его сердце. Он сознавал, что при такой обстановке сохранить единство церковное будет невозможно. Требовалась помощь со стороны архипастырей, пастырей и всех чад Православной Русской Церкви. По этой причине он 18/31 декабря 1927 года обращается с особым посланием ко всем верным чадам Церкви и призывает всех оставить всякие раздоры и объединиться вокруг законного священноначалия к созиданию церковного организма.

Отделившиеся епископы, чтобы привлечь на свою сторону духовенство и мирян, обнародовали акт отхода, а затем стали распространять обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием и единомышленными с ним епископами, обвиняя последних в утрате чистоты Православия и церковной свободы. Они призывали всех верных объединиться вокруг митр. Иосифа, как единого православного иерарха.

Не ограничиваясь одним воззванием, еп. Димитрий в личных беседах с людьми и в проповедях — всюду, где только представлялась возможность, высказывал свои отрицательные взгляды на последователей митр. Сергия. Он и его единомышленники не стеснялись открыто заявлять и убеждать, что те церкви, в которых за богослужением поминают имя Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, являются «новообновленческими храмами», а православные пастыри безблагодатными.

Ревнуя не «по разуму», еп. Димитрий один из православных храмов (Спас на водах) публично назвал храмом сатаны. Отсюда ничего нет удивительного, что он и самое великое таинство — Св. Причастие, совершаемое сергианскими епископами и священниками, признавал не что иным, как только «пищей бесовской». Это уже была ничем неоправдываемая крайность еп. Димитрия.

Своими выпадами против законной Церковной власти раздорники все больше и больше вносили смуту в жизнь не только Ленинградской епархии, но и других.

Волна разделения увеличивалась. Она захватила многие храмы Ленинграда и его окрестностей, затем перебросилась в пределы Вятской и Воронежской епархий и проникла в г. Серпухов. Здесь 30 декабря (ст. ст.) 1927 года группа серпуховского духовенства подала митр. Сергию заявление о своем отделении (заявление свящ. В. Бушуева на имя еп. Мануила от 20 апр. (ст. ст.) 1929 г.) За ней последовали члены церковных двадцаток и отдельные прихожане.

Увеличиваясь в своих размерах, раскол нес вместе с собой и печальные плоды разделения. И плоды эти были налицо.

Прежде всего упал авторитет архиерея в глазах верующих. Миряне возложили на себя право производить суд над своими архипастырями и пастырями, отложив в сторону очищение своей души. Они пошли путем духовной прелести.

Но более всего безотрадного и мерзкого было в том, что между иосифлянами и сергианами возникла самая настоящая непримиримая вражда. Противники громили друг друга прямо в храмах, не считаясь ни с положением, ни со святостью места. Запрещали посещать церкви инакомыслящих, признавая один другого безблагодатными. Простые люди не имели покоя. Они ходили из одной церкви в другую, боясь оказаться у противников. Некоторые, ища себе успокоения, переходили в секты (баптизм), как это сделали отдельные члены двадцатки Тихвинской церкви на Выборгской стороне. Иные, соблазненные расколом и спорами, оставили вообще веру и стали чуждыми Церкви. Сами верующие сознавали, что они своими разномыслиями и вздорами способствуют антирелигиозной пропаганде.

Разделение церковное коснулось и разделения общественного: произошло разделение в семействах между близкими и даже между теми, кто когда-то вместе ревновали об истине.

Нетерпимость приверженцев митр. Иосифа доходила до крайних пределов и выливалась в необычайной вражде и злобе против сергиан. Был такой случай, когда один человек, увлекшийся расколом, чуть не стал душить 12-летнего ребенка, который спрашивал отца: «Почему ты не с нами?» (Сл. еп. Мануила, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая 1928 г.— См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 1. С. 69.)

Волна разделения была могучей, и не было человека, кто мог бы приостановить ее.

Некоторые из православных приходов, чтобы как можно легче воспринять удар этой волны, выносили особые постановления, посредством которых желали объединить и приверженцев митр. Иосифа, и последователей митр. Сергия.

Так общее собрание двадцатки храма-памятника морякам, погибшим в войне с Японией, обсудив создавшееся между епископами и духовенством Ленинградской епархии разногласие, 8 января 1928 года постановило:

1. Единогласно: возносить за богослужением имя митр. Петра, как Местоблюстителя Патриаршего Престола, объединяющего ныне в своем лице всю Православную Церковь.

2. Единогласно: не вводить в богослужение возношения имени митр. Сергия и иных епископских имен, впредь до нового обсуждения по выяснении создавшегося положения.

3. Большинством всех против четырех: не разрывать ка-

нонического общения ни с одной из разногласящих сторон, призывая и умоляя их не обострять расхождение и всемерно стремиться к единству и взаимному пониманию, снисходя друг к другу в духе Христовой любви.

> Ив. Шилов, Соколов, С. Меринг, Красноленская, Г. Лобковский, В. Елчанинова, А. Алявлин, О. Горданова, Д. Корнилов, Гордзевич, О. В. Лебедева, М. Моисеева, А. Галкин, В. Бонди, И. Романов (См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 1. С. 47).

Подобную тактику применяли не только члены двадцаток, но и некоторые ленинградские епископы: еп. Колпинский Серафим (Протопопов), еп. Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), еп. Стефан (Бех), проживавший в Ленинграде, и некоторые другие.

В тех храмах, где они служили, поминали за богослужением одного только Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра, а имя митр. Сергия опускали.

Церковная смута в Ленинграде так быстро увеличивалась, что еп. Петергофский Николай не успевал писать доклады митр. Сергию.

Для умиротворения церковных настроений митр. Сергий признал необходимым созвать Поместный Собор. О времени, порядке созыва, составе и вопросах, подлежащих рассмотрению, были даны им указания всем Преосвященным архиереям. Однако события в Ленинграде и других местах требовали неотложных мероприятий.

Митр. Сергий и Синод 25 января 1928 года предают каноническому суду православных архиереев еп. Димитрия (Любимова) и еп. Сергия (Дружинина). Еп. Шлиссельбургскому Григорию (Лебедеву) и еп. Колпинскому Серафиму (Протопопову) предписывают, чтобы они без промедления ввели поминовение за богослужением имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Вместе с тем посылают к митр. Иосифу трех членов Синода: архиеп. Вологодского Сильвестра, архиеп. Костромского Севастиана и архиеп. Самарского Анатолия для выяснения вопросов: 1) с его ли ведома, согласия и благословения еп. б. Гдовский Димитрий и б. Копорский Сергий распространяют обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем и 2) признает ли митр. Иосиф резолю-

цию от 25 декабря 1927 года на рапорте ленинградских викариев и распространяемую ныне раздорниками за свою резолюцию.

Кроме того, было указано, чтобы они в случае отклонения митр. Иосифом своей ответственности за распространяемую от его имени литературу предложили ему в особом кратком послании оповестить ленинградскую паству о своем отмежевании от происходящей церковной смуты с осуждением епископов-раздорников и всего их «самочинного» сборища и о своем молитвенно-каноническом общении с Высшей Церковной Властью.

Но все эти мероприятия не достигли своей цели.

Еп. Димитрий к определению о нем Синода отнесся пренебрежительно, считая все это не имеющим для него никакого значения.

Еп. Григорий остался при той же позиции, и лишь только один еп. Серафим (Протопопов) подчинился распоряжению Синода.

Комиссия, посланная к митр. Иосифу, тоже не достигла положительных результатов.

После отъезда синодальной комиссии, приезжавшей к нему на беседу, митр. Иосиф остался один в своей келье, погруженный в глубокое раздумье. Пред его взором быстро пронеслась вся картина возникших церковных настроений, связанных с его именем и с тем, кого он считал предателями Церкви.

И вдруг он с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за положение в Церкви. Сознание говорило ему, что он является одним из заместителей Патриаршего Местоблюстителя и поэтому связан страдальческим долгом не просто заменить удаленного от управления предшественника, но быть и ему и свободному (митр. Сергию) предостережением о возможности духовного падения. Правда, такое падение должно было бы в нормальных условиях жизни церковной сопровождаться и судом и соборным решением, но при современных условиях этого достичь нельзя (ответ митр. Иосифа архим. Льву, 1928 г.). Остается единственный выход — вразумить падшего отходом от него, иными словами, совершить суд над первоиерархом единолично.

Здесь уже проявилась область греха, область самомнения и превозношения, в которые он впадал еще в первые годы своего иерейского и архиерейского служения. Теперь уже,

под действием духовной прелести, ничто не могло приостановить митр. Иосифа от его решения встать на путь отделения от митр. Сергия.

В это время митр. Агафангел с тремя своими викариями: архиеп. Угличским Серафимом (Самойловичем), архиеп. Варлаамом (Ряшенцевым) и еп. Ростовским Евгением (Кобрановым) готовил акт отхода от митр. Сергия. К ним-то и присоединился митр. Иосиф.

24 января (6 февраля) 1928 года был подписан акт отделения и направлен митр. Сергию.

Итак, митр. Иосиф, с момента официального отхода от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, уже не считает над собой имеющим какую-либо силу распоряжения первоиерарха, опротестовывает свое якобы незаконное удаление с Ленинградской кафедры и, как признавший себя Ленинградским митрополитом, поручает временное управление епархией еп. Димитрию, а еп. Григория благословляет продолжать служение в Александро-Невской Лавре в качестве ее единомысленного с ним наместника.

Ряды отколовшихся пополнились. Теперь их возглавил митр. Иосиф. Предполагалось, что под его главенство вступят и ярославские иерархи и тем самым усилят свои позиции, но предположения эти не оправдались: митр. Агафангел и его викарии не только отмежевались от ленинградских раскольников, но и впоследствии снова возвратились под руководство митр. Сергия. Но как бы то ни было, а в данный момент отход видных иерархов внушал серьезную опасность для церковного мира.

Митр. Сергий и Синод предпринимают ряд мер.

В феврале 1928 года митр. Иосиф из Ростова был удален в Николо-Моденский монастырь, что в 35 верстах от г. Устюжны, родной ему Новгородской губернии, откуда он управлял паствой и делал соответствующие распоряжения своим викариям.

Чтобы каким-либо образом смягчить нестроения в Ленинградской епархии и ослабить действия митр. Иосифа и еп. Димитрия, митр. Сергий в середине февраля 1928 года назначает в Ленинград митр. Серафима (Чичагова).

Назначение, справедливо надо сказать, было **неудачным.** Оно, кроме новых смут и волнений, ничего больше не принесло. Митр. Серафим был лицом не авторитетным. Его про-

цию от 25 декабря 1927 года на рапорте ленинградских викариев и распространяемую ныне раздорниками за свою резолюцию.

Кроме того, было указано, чтобы они в случае отклонения митр. Иосифом своей ответственности за распространяемую от его имени литературу предложили ему в особом кратком послании оповестить ленинградскую паству о своем отмежевании от происходящей церковной смуты с осуждением епископов-раздорников и всего их «самочинного» сборища и о своем молитвенно-каноническом общении с Высшей Церковной Властью.

Но все эти мероприятия не достигли своей цели.

Еп. Димитрий к определению о нем Синода отнесся пренебрежительно, считая все это не имеющим для него никакого значения.

Еп. Григорий остался при той же позиции, и лишь только один еп. Серафим (Протопопов) подчинился распоряжению Синода.

Комиссия, посланная к митр. Иосифу, тоже не достигла положительных результатов.

После отъезда синодальной комиссии, приезжавшей к нему на беседу, митр. Иосиф остался один в своей келье, погруженный в глубокое раздумье. Пред его взором быстро пронеслась вся картина возникших церковных настроений, связанных с его именем и с тем, кого он считал предателями Церкви.

И вдруг он с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за положение в Церкви. Сознание говорило ему, что он является одним из заместителей Патриаршего Местоблюстителя и поэтому связан страдальческим долгом не просто заменить удаленного от управления предшественника, но быть и ему и свободному (митр. Сергию) предостережением о возможности духовного падения. Правда, такое падение должно было бы в нормальных условиях жизни церковной сопровождаться и судом и соборным решением, но при современных условиях этого достичь нельзя (ответ митр. Иосифа архим. Льву, 1928 г.). Остается единственный выход — вразумить падшего отходом от него, иными словами, совершить суд над первоиерархом единолично.

Здесь уже проявилась область греха, область самомнения и превозношения, в которые он впадал еще в первые годы своего иерейского и архиерейского служения. Теперь уже,

под действием духовной прелести, ничто не могло приостановить митр. Иосифа от его решения встать на путь отделения от митр. Сергия.

В это время митр. Агафангел с тремя своими викариями: архиеп. Угличским Серафимом (Самойловичем), архиеп. Варлаамом (Ряшенцевым) и еп. Ростовским Евгением (Кобрановым) готовил акт отхода от митр. Сергия. К ним-то и присоединился митр. Иосиф.

24 января (6 февраля) 1928 года был подписан акт отделения и направлен митр. Сергию.

Итак, митр. Иосиф, с момента официального отхода от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, уже не считает над собой имеющим какую-либо силу распоряжения первоиерарха, опротестовывает свое якобы незаконное удаление с Ленинградской кафедры и, как признавший себя Ленинградским митрополитом, поручает временное управление епархией еп. Димитрию, а еп. Григория благословляет продолжать служение в Александро-Невской Лавре в качестве ее единомысленного с ним наместника.

Ряды отколовшихся пополнились. Теперь их возглавил митр. Иосиф. Предполагалось, что под его главенство вступят и ярославские иерархи и тем самым усилят свои позиции, но предположения эти не оправдались: митр. Агафангел и его викарии не только отмежевались от ленинградских раскольников, но и впоследствии снова возвратились под руководство митр. Сергия. Но как бы то ни было, а в данный момент отход видных иерархов внушал серьезную опасность для церковного мира.

Митр. Сергий и Синод предпринимают ряд мер.

В феврале 1928 года митр. Иосиф из Ростова был удален в Николо-Моденский монастырь, что в 35 верстах от г. Устюжны, родной ему Новгородской губернии, откуда он управлял паствой и делал соответствующие распоряжения своим викариям.

Чтобы каким-либо образом смягчить нестроения в Ленинградской епархии и ослабить действия митр. Иосифа и еп. Димитрия, митр. Сергий в середине февраля 1928 года назначает в Ленинград митр. Серафима (Чичагова).

Назначение, справедливо надо сказать, было **неудачным.** Оно, кроме новых смут и волнений, ничего больше не принесло. Митр. Серафим был лицом не авторитетным. Его про-

шлое, особенно жизнь в Твери, вызывало в людях одну только антипатию.

В четверг 24 февраля 1928 года митр. Серафим прибыл в Ленинград. Сразу же после своего приезда он послал пригласительное письмо еп. Димитрию, но тот письма не принял, заявив, что он знает только Ленинградского митр. Иосифа, заместителем которого он (еп. Димитрий) является. С своей стороны еп. Димитрий звал к себе митр. Серафима, но только без посторонних. Согласился ли последний посетить еп. Димитрия, нам ничего неизвестно.

Новоназначенный митрополит неутомимо произносил в Ленинградских церквах проповеди, ярко освещая лиц церковного разделения. Однако смуты и нестроения в епархии не прекращались.

14/27 марта состоялась сессия Свящ. Синода, на которой было вынесено постановление об увольнении от занимаемых кафедр и о запрещении в священнослужении митр. Иосифа (Петровых), еп. Димитрия (Любимова) и еп. Сергия (Дружинина)), архиеп. Серафима (Самойловича), архиеп. Варлаама (Ряшенцева), еп. Евгения (Кобранова), еп. Иерофея (Афонина) и еп. Алексия (Буй). Письмо еп. Мануила к и. Серафиме от 15/28 марта 1928 г.— См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 2. С. 251.)

Но и это постановление в отношении отпавших не имело никакой силы. Все указанные архиереи, кроме архиеп. Серафима (Самойловича), решительно пренебрегли запрещением и продолжали служить и управлять епархиями и викариатствами.

Митр. Серафим (Чичагов), ввиду непрекращающегося разделения среди архипастырей и верующих Ленинградской епархии, 19 марта (1 апреля) 1928 года распорядился по всем храмам и церквам совершать особое молебствие об умиротворении Церкви. Но ни церковные прещения, ни отлучения, ни даже народные молебствия не унимали последователей митр. Иосифа. Они, подобно оторвавшемуся камню от скалы, все ниже и ниже падали в глубь отмежевания от митр. Сергия и единомышленных ему архиереев. А причина этого падения заключалась в той крайности, которую они допустили в своем удалении.

Когда иосифлянам задавали вопросы: «Если вернется из ссылки митр. Петр и признает послание митр. Сергия и действия его законными, будут ли они участвовать с ним

в молитвенном общении, признают ли его законной главой Русской Церкви?» — в ответ на эти вопросы иосифляне делились надвое: одни из мирян говорили: «Молитвенного общения с митр. Петром и его единомышленниками мы прерывать не будем» — а другие, наоборот, отвечали так: «Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя. Если и все церкви отберут от нас, тогда мы будем совершать молитвы в подвалах тайно. При гонении на веру Христову, подражая первовековым христианам, мы пойдем с радостью на костры и в тюрьмы, но не допустим добровольно, чтобы в Церкви Божией был хозяин антихрист коммунист Тучков. За свободу Церкви мы готовы умереть». (Г. В. Церковная жизнь — См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 2. С. 310.)

Такая противоположность взглядов и отношений к Церковной Власти свидетельствует лишь о том, что среди иосифлян не было единства и что одни из них (а таковых было большинство) смотрели на митр. Сергия как на иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине якобы неправильные действия, а другие видели в нем самого настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель.

Те, кто придерживался первого взгляда, нуждались в авторитетном засвидетельствовании правоты деяний митр. Сергия со стороны либо другого лица, показавшего себя стойким борцом за Православие. И достаточно было появиться такому иерарху, чтобы снять с них всякое смущение и колебание и приобщить их к церковному единству.

Но для других, более строгих иосифлян, этого было мало. Для них стимулом правды являлся не авторитет, а образ их мыслей и чувств. Всякий, кто не разделял с ними их взгляды и мысли, становился уже для них противником. Крайность эта вытекала из того факта, что иосифляне признавали только себя одних находящимися в недрах Православной Церкви, а других — в расколе, иными словами, не они отошли в раскол, а митр. Сергий и те, кто последовал за ним.

Вот как высказывался по этому поводу митр. Иосиф в своем ответном письме к архим. Льву (Егорову): «Погодите,

придет, мы надеемся, время, когда будем говорить о наших событиях судом. И кто тогда будет более обвиняем — еще большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церковь в жертву и расправу предателям и гнусным политиканам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: «не только выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митр. Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть осуждения». (См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 2. С. 304.)

Так смотрел на себя и на митр. Сергия митр. Иосиф. Естественно, что при таком взгляде на церковную жизнь нельзя было рассчитывать на какое-либо авторитетное лицо, которое смогло бы переубедить их или заставить отказаться от намеченного ими пути.

Отметим, что крайность иосифлян, как следствие, выразилась еще и в том, что свои отрицательные взгляды на митр. Сергия они перенесли на Церковь, на храмы и таинства.

Православную Церковь, возглавляемую митр. Сергием и Собором православных архиереев, они признавали не что иным, как только «царством антихриста». Все храмы и монастыри сергиевской ориентации называли «вертепами сатаны», а священников — его служителями, таинство св. Евхаристии — бесовской пищей.

Считая православных пастырей безблагодатными, иосифляне запрещали своим последователям, да и сами боялись приобщаться у сергианских пресвитеров. Все, что признавалось в Православной Церкви святыней,— все это подвергалось поруганию и оплевыванию со стороны последователей митр. Иосифа.

И печальным был тот факт, что никто из раскольников не думал останавливать тех лиц, которые возводили подобное поношение на Православную Церковь. Больше того, сами вожди раскола разжигали в своих последователях пагубную страсть и изощрялись в злохулениях на православную святыню.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАСКОЛА

Центром, откуда пошло распространение иосифлянства, был г. Ленинград. Здесь фактически зародилось новое церковное движение и затем уже перебросилось в окрестности и другие места.

С самого начала появления иосифлянства в Ленинграде и епархии в разделение перешли либо целиком, либо частично несколько храмов и монастырей. Таких храмов к концу апреля 1928 года насчитывалось около двадцати.

Главным храмом, где, можно сказать, сосредоточивались основные силы иосифлянства, являлся храм Воскресения, что на канале Грибоедова.

Весь причт этого собора почти в полном своем составе вступил на путь разделения и подписал акт об отделении от митр. Сергия. Главную роль играл тогда настоятель храма проф. прот. В. Верюжский. Ему содействовал прот. Феодор Андреев, известный нам из предшествующих глав своим письменным обращением к митр. Сергию. Здесь же служили видные протоиереи: ключарь собора, кандидат богословия, о. Никифор Стрельников; кандидат богословия Иоанн Никитин; Александр Флеров; Александр Тихомиров; Сергий Тихомиров, б. благочинный и духовник кающихся из обновления; свящ. Филофей Поляков; Боголюбов и другие. Все они были единого духа и направления. В храме Воскресения совершали богослужения еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергий (Дружинин). Поминали митр. Иосифа.

Служили здесь иногда и проезжие архиереи, разделявшие взгляды иосифлян: еп. Алексий (Буй), б. Витебский, и еп. Василий (Дохторов), б. Каргопольский.

В этом же храме совершались епископские и священнические хиротонии и присоединение к расколу.

Из других храмов разделения в г. Ленинграде известны следующие церкви:

1. Церковь на Пороховых во имя Святителя Моисея Новгородского.

2. Церковь в Пискаревке Выборгского района в честь преподобного Александра Ошевенского, б. монастырское подворье Олонецкой епархии.

3. Церковь деревянная в б. Лютиковом подворье.

4. Церковь на Петровском острове, в доме убежища престарелых артистов.

5. Церковь Сретения на Выборгской стороне.

6. Церковь-часовня в Лесном, б. Арзамасского Алексеевского женского монастыря.

7. Церковь Грузинской Божией Матери, при б. подворье Красногорского монастыря, Архангельской епархии, что на Георгиевской ул. Большой Охты. Разделение здесь окончательно произошло около весеннего Николина дня 1928 года.

8. Тихвинская церковь в Александро-Невской Лавре. Здесь вся двадцатка признала своим духовным руководителем еп. Димитрия (Любимова). Сюда же перешли архим. Алексий Терехин, иеромонах Игнатий, иеромонах Григорий и архидиакон Варлаам. Происходило окропление храма. Окропление совершал б. духовник кающихся обновленцев прот. Сергий Тихомиров.

Разделение, как нам уже известно, коснулось не только г. Ленинграда, но и его окрестностей. Во многих сельских и городских храмах приходские советы и причты были недовольны действиями митр. Сергия и потому, на призыв еп. Димитрия и еп. Сергия — порвать молитвенно-каноническое общение с первоиерархом, ответили согласием. Так появились церкви разделения в епархии.

Из них нам известны следующие:

1. Церковь в Стрельне.

2. Церковь на станции Володарского (Сергиево по Балтийской ж. д.) во имя преп. муч. Андрея Критского. Здесь служил наездом о. Филофей Поляков.

3. Церковь госпитальная в Красном Селе.

4. Церковь в Тайцах по Балтийской ж. д.

5. Приписная церковь в Александровке.

6. Феодоровский собор в Детском Селе.

7. Церковь села Удосоло, Кингисеппского уезда.

8. Старо-Ладожский женский монастырь.

Среди монахинь произошло разделение. Одна часть инокинь, признавшая митр. Иосифа, объединилась вокруг игуменьи Анфисы, перешедшая потом к сергиевскому православному направлению, а другая, оставшаяся верной митр. Сергию, объединилась около Алексеевской б. монастырской церкви.

9. Церковь в селе Тигоде, б. Ново-Ладожского, Волховского уезда. Сюда в 1928 году еп. Димитрием был поставлен диакон.

10. Монастырь Зеленецкий.

11. Церковь в селе Теребонижье, возле Зеленецкого монастыря.

Перечисленные храмы и монастыри Ленинградской епархии присоединились к разделению в вышеуказанный период, то есть с декабря 1927 года до апреля 1928 года включительно.

В этот же период кроме церквей известны так называемые персональные присоединения к расколу.

К ним принадлежат:

1. Игуменья Вероника с некоторыми монахинями из Воронцовского подворья Псковской епархии на Очаковской ул. в Ленинграде.

2. Монахиня Максимилла и некоторые другие из Ладожского подворья у Нарвских ворот.

3. Инокиня Ольга и Мария из Бежецкого подворья.

4. Монахиня Павла и еще несколько монахинь из упраздненного Полоцкого подворья за Нарвской заставой.

5. До 50-ти монахинь во главе с монахиней Иоанной из упраздненного Ивановского монастыря.

6. Несколько монахинь из Кикеринского монастыря, в том числе постриженница этого монастыря Анастасия Куликова, жительствующая в квартире еп. Димитрия (Любимова) и принявшая схиму.

7. Схимница Екатерина и около 20-ти монахинь из Воскресенского Новодевичьего монастыря.

8. Иеродиакон Нестор и игумен Клавдий из Киевского подворья.

В период с мая 1928 года по осень 1929 года известны еще несколько храмов Ленинградской епархии, принимавших участие в разделении.

1. Церковь во имя преп. Серафима Саровского за Нарвской заставой в г. Ленинграде, по ул. Стачек (Петергофское шоссе), присоединилась к разделению перед Мясопустным воскресением 1929 года.

2. Церковь в селе Гатчино Кингисеппского уезда. В сентябре 1929 года сюда был назначен еп. Димитрием другой священник.

3—4. Знаменская церковь и кладбищенская Троицкая церковь в Старом Петергофе.

5. Церковь в селе Мыслове по реке Волхове.

6. Церковь во имя св. ап. Петра и Павла в с. Вырица Детскосельского уезда.

7. Церковь подворья Кавказского монастыря в том же уезде.

8. Церковь в Новоселке.

9. Церковь в Новинках.

10. Церковь в с. Георгиевском.

11. Церковь в селе Вшелях, Лужского уезда.

12. Церковь в селе Посолодино, того же уезда.

13. Церковь в селе Красные Горы.

14. Церковь села Баранова, Лужского уезда.

В Александро-Невской Лавре:

15. Церковь Благовещенская.

16. Николо-Феодоровская церковь.

17. Исидоровская церковь.

18. Духовская церковь. Около трех недель обслуживалась иосифлянами.

19. Церковь единоверческая Николаевская, что на ул. Марата.

20. Церковь села Лебяжье, за Ораниенбаумом.

21. В г. Троицке (Гатчино). Сюда приезжал еп. Димитрий к болящей Марии Леленовой.

22. Паданское Введенское подворье, по Белой дороге на Большой Охте. Половина монахинь во главе с заведующей монахиней Пантелеимоной Зайцевой в конце 1928 года присоединилась к разделению.

Итак, по количеству тех церквей (42), которые мы перечислили, видно, что разделение довольно широко распространилось в Ленинградской епархии. Оно охватило Кингисеппский, Лужский, Волховский, Детскосельский и другие районы области.

Однако одной Ленинградской епархией разделение не ограничилось. Оно, как нам уже известно, возникло и в других епархиях, чему несомненно содействовало либо влияние Ленинградского раскола, либо однообразие причин, порождавших это разделение.

Так, в г. Твери первоначально присоединились к расколу женский Христорождественский монастырь, а затем Никольская церковь Желтиковского монастыря, в богатом рабочем районе. В последнюю, после смерти архим. Иосифа, был назначен из храма Воскресения еп. Димитрием иеромонах Горгоний, постиженник Ново-Афонского монастыря. Здесь уже было прямое воздействие ленинградских раскольников.

В г. Серпухове Московской епархии разделение обязано еп. Алексию (Готовцеву). Почти половина — 8 церквей — отошло от митр. Сергия и присоединилось к еп. Димитрию (Любимову). Акт отделения, как нам уже известно, был подписан серпуховским духовенством 30 декабря 1927 года. В феврале 1928 года сюда был назначен иосифлянского поставления еп. Максим (Жижиленко), по образованию доктор медицины.

В самой Москве известны три церкви, находившиеся в разделении:

а) Грузинской иконы Божией Матери в Китай-городе.

б) Никола Большой Крест, там же.

в) Воздвижения на Воздвиженке.

В предпоследней главным инициатором разделения являлся настоятель этого храма прот. Валентин Свенцицкий. Это был человек незаурядных способностей, имевший большое влияние на интеллигенцию г. Москвы. Характерно, что он и его образованная паства жили как бы единым духом, единым движением сердца и одними мыслями.

Незадолго до своей кончины, последовавшей после 1930 года, он осознал свою ошибку и, примиренный с митр. Сергием, скончался о Господе.

Параллельно с ленинградским расколом возникло самостоятельное разделение в уездах Глазовском, Котельническом, Яранском, Слободском и в слободе Кухарка, Вятской епархии.

Отделившиеся церкви возглавили еп. Глазовский Виктор (Островидов). (О нем мы будем говорить в отдельной главе.)

Там же отделился 4 марта 1928 года еп. Яранский Нектарий (Трезвинский) и еп. Иларион (Бельский).

В г. Никольске, Вологодской губернии, разделение возглавлялось еп. Иерофеем (Афониным).

Разделение проникло в соседнюю Новгородскую епархию.

В самом Новгороде перешла в раскол Спасо-Преображенская церковь, а в епархии — в Московицах близ станции Мшинск и в селе Велебница.

Из Перекомского монастыря община из 12 братий во главе с архим. Сергием присоединилась к расколу.

В Воронежской епархии несколько церквей, в с. Избердей, близ ст. Грязи, и в с. Придача, возглавлявшиеся еп. Алексием (Буй).

Отдельные церкви присоединились к разделению в Киеве, на Кубани (сюда ставились еп. Димитрием священники), в Псковской епархии вблизи Витебской губернии и на Урале.

Небольшие общины чисто иосифлянского происхождения были насаждены в г. Красноярске (архим. Неофитом), в г. Киеве и Харькове.

В Харькове община была образована архим. Киево-Печерской Лавры Климентом и архим. Макарием. Оба архимандрита и 4 монаха перешли к еп. Димитрию. Здесь же вошел в молитвенное общение с еп. Димитрием еп. б. Ялтинский Павел (Кратиров).

Вот, собственно, те епархии, которых коснулась волна разделения. Она охватила сравнительно небольшую территорию. Если не считать тех городов, где возникли малые общины, то получится, что разделение произошло в Москве и сугубо частично в Московской епархии и в епархиях: Тверской, Вятской, Воронежской, Псковской и на Кубани.

Да и в этих епархиях число церквей, перешедших в иосифлянство, не считая церкви в Серпухове и в Вятской епархии, было так незначительно, что они едва были заметны среди храмов сергиевского православного направления.

ЯРОСЛАВСКИЙ РАСКОЛ И ДРУГИЕ ТЕЧЕНИЯ

Волна отхода достигла и Ярославля. Митр. Агафангел, признав учреждение митр. Сергием при себе Синода, выпущенную им декларацию и перевод архиереев из одной епархии в другую без согласия паствы и т. п. как отступление от церковных канонов и от свободы Церкви, 6 февраля (24 января) 1928 года вместе с своими викариями Угличским Серафимом (Самойловичем), архиеп. б. Пермским Варлаамом (Ряшенцевым) и еп. Ростовским Евгением (Кобрановым) совершил акт отхода от административного подчинения митр. Сергию. К ним присоединился и митр. Иосиф (Петровых). Образовалась так называемая «Ярославская Церковная область» или Ярославский раскол.

«Ярославскую область» пытался было объединить с ленинградским иосифлянским расколом митр. Иосиф, объявивший себя Ленинградским митрополитом, но Ярославская группа не пошла на этот шаг. Она решила управляться самостоятельно без какого бы то ни было слияния с другими оппозициями.

3/16 мая 1928 года митр. Агафангел примирился с митр. Сергием, а вслед за ним примирились и его три викария. Но иосифлянство продолжало волновать церковную жизнь и вносить разделение. С ним митр. Сергий вел терпеливую борьбу. И только после того как вожди раскола, начиная с апреля 1929 года, ушли с церковной арены, иосифлянство резко пошло на угасание. Часть иосифлян присоединилась к Православной Церкви, а часть, более упорная, приняла скитальческий образ жизни. В 1930 году иосифлянский раскол официально прекратил свое существование.

Наряду с явными расколами в среде православного епископата появились такие иерархи, которые, не примыкая ни к одному из появившихся расколов и не порывая молитвенного общения, старались обособиться от митр. Сергия и находиться в стороне от церковной жизни. К ним принадлежали архиереи т. н. «даниловского» и «мечевского» уклонов.

Особое место в числе оппозиций Заместителю занимает оппозиция митр. Казанского Кирилла (Смирнова). Маститый иерарх и ревнитель единоличной церковной власти допустил сомнение в действиях митр. Сергия в образовании им Временного Патриаршего Синода и усмотрел в этом прямое нарушение унаследованного от Патриарха Тихона единоначалия в Церковном Управлении. Сомнение завершилось отходом от подчинения Заместителю.

Оппозиция митр. Кирилла явилась как бы заключительным звеном всех возникших ранее расколов. Если и появлялись впоследствии небольшие волнения в Церкви, то они носили кратковременный характер и большой опасности для церковного единства не представляли.

В борьбе с расколами митр. Сергий применил такой метод действия: когда он узнавал о появившихся раздорниках, то он сначала увещевал их, а затем, если они не раскаивались в своих заблуждениях, налагал на них строгие меры прещения: запрещал в священнослужении и лишал кафедр. К этому митр. Сергий добавлял выжидательность, то есть в дальнейшем он не входил в особую дискуссию с вождями расколов, а выжидал того момента, когда само время покажет всю несостоятельность позиции, занятых раскольниками. И этот метод действий вполне оправдывался.

Борьба за единство церковно-канонического управления велась митр. Сергием не только в пределах России, но и за границей.

В Югославских Карловцах антиканонично действовал Архиерейский Синод, возглавляемый митр. Антонием (Храповицким); в Западной Европе — Епархиальный Совет Западно-Европейского митрополичьего округа, возглавляемый митр. Евлогием; в Северной Америке — митр. Платон (Рождественский), стремившийся образовать американскую автокефалию. Все они не желали подчиняться Московской Патриархии и действовали независимо от нее. Борьба Заместителя с зарубежными раскольниками была малоплодной. Только 5 приходов в Западной Европе перешли в юрисдикцию Московской Патриархии. Но важность этой борьбы состояла в том, что митр. Сергий продолжал стоять на страже канонического единства церковного управления.

В целях более твердого и определенного положения Заместителя в Русской Церкви 14/27 апреля 1934 года собор архиереев в расширенном заседании Патриаршего Синода вынес постановление о назначении митр. Сергия митрополитом Московским и Коломенским и о присвоении ему титула «Блаженнейшего».

В 1936 году, после кончины митр. Петра (Полянского) (+1936), митр. Сергий стал Патриаршим Местоблюстителем.

В годы Великой Отечественной войны ему пришлось на деле показать не только лояльное отношение Русской Православной Церкви, но и физическое участие членов Церкви в общей борьбе с фашистской Германией.

В эти же годы Патриарший Местоблюститель митр. Сергий ликвидировал возникшие церковные автокефалии и схизмы в пределах Украины, Белоруссии и Прибалтики. Примирился с Местоблюстителем в 1941 году и митр. Кирилл (Смирнов).

Положение Церкви в Советском государстве в период управления ею Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, а затем и Патриаршим Местоблюстителем было весьма тяжелым. Церковь обуревалась не только страстями своих чад, ушедших в расколы, но и испытывала на себе постоянные удары стихии «безбожия». И хотя в первой половине и середине 20-х годов они заметно спали, уступив место деятельности организации Союза безбожников, однако набравшая силу инерция «выпячивания» религиозного вопроса, как якобы одного из важнейших для судеб нового общества, сказалась и на деятельности Союза безбожников и других массовых,

особенно молодежных, организаций, и преодолевалась с трудом. Начались компанейские выступления, такие как «комсомольская пасха» и «комсомольское рождество». Они возникали как живое творчество молодежи, в представлении которой религия и Церковь сливались с образом старого мира, свергнутого революцией. Это была одна из разновидностей «детской болезни «левизны», не распознанная и рядом представителей старшего поколения — пропагандистов, поощрявших молодежный почин (Русское Православие: вехи истории. М., 1989. С. 695).

В конце 20-х годов появились признаки уже не «детской болезни «левизны» в религиозном вопросе, а направленной борьбы с религией политическими средствами. С началом и ходом коллективизации такая борьба становилась все шире и острее и обернулась насильственным закрытием церквей, массовыми репрессиями против духовенства и рядовых верующих. Это означало попрание ленинских принципов в вопросе об отношении партии к религии, нарушение Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Все воинственней звучал провозглашенный во второй половине 20-х годов лозунг: «Борьба с религией — борьба за социализм». Что на деле представлял собой этот лозунг, явствует из следующих слов Е. М. Ярославского в работе «Коммунизм и религия», опубликованной ровно за год до вероломного вторжения гитлеровских полчищ на нашу землю. «Классовый враг, разгромленный внутри страны, еще не добит окончательно. Одним из его убежищ продолжает быть религиозная организация, распространяющая реакционные, враждебные социализму идеи. Выбитые из своих гнезд монахи и монашки, тысячи священников разных религий... еще не примирились с мыслью о том, что их дело окончательно проиграно... Все такие элементы поддерживают религию и используют религиозные предрассудки для того, чтобы творить свое вражеское дело» (Ярославский Е. М. «Коммунизм и религия». Антирелигиозный учебник для кружков самообразования. М., 1940).

Тираж издания, в котором нашла место эта работа,— 50 тысяч экземпляров. Вывод однозначен: добить «монахов и монашек, тысячи священников разных религий». А ведь следовавшие волна за волной репрессии уже «добили» не только «монахов, монашек, тысячи священников разных религий», но и великое множество рядовых верующих и неверующих,

коммунистов и беспартийных! (Русское Православие: вехи истории. М., 1989. С. 696—697).

Борьба с религией повлекла за собой ликвидацию духовных школ, библиотек, имевших в своих книгохранилищах духовную литературу, лишение верующих системного изучения Закона Божия, с 1925 года введено в школах антирелигиозное воспитание, а с 1929 года отменена в законодательстве свобода религиозной пропаганды, что в корне противоречило ленинскому принципу о свободе совести. В. И. Ленин ясно определил, что «каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, но и распространять любую веру» (Полн. собр. соч. Т. 7. С. 172). Духовенство было поставлено во внеправовое положение и было лишено права не только быть избранным в народные депутаты страны, но и права голосования.

С момента легализации в мае 1927 года до 1937 года митрополит Сергий и Временный при нем Патриарший Синод имели возможность регулярно проводить сессии Священного Синода и на них рассматривать церковные дела и разрешать разные церковные вопросы. С 1937 года таковые сессии прекратились. Волна репрессий коснулась почти всего российского епископата. В 1937 году было арестовано 50 архиереев. Для более наглядной картины мы приведем статистические данные о репрессиях архиереев по годам, начиная с 1925 года.

Год:	Арестовано:
1925 год	— 20 архиереев
1926 год	— 11 архиереев
1927 год	— 7 архиереев
1928 год	— 6 архиереев
1929 год	— 6 архиереев
1930 год	— 8 архиереев
1931 год	— 16 архиереев
1932 год	— 1 архиерей
1933 год	— 9 архиереев
1934 год	— 6 архиереев
1935 год	— 14 архиереев
1936 год	— 20 архиереев
1937 год	— 50 архиереев

К концу 1939 года на свободе осталось 4 правящих архиерея: митр. Сергий (Страгородский), митр. Алексий (Симанский), митрополит Николай (Ярушевич) и архиеп. Сер-

гий (Воскресенский). Несколько епископов было на покое или в должности настоятелей храмов. (Лев Регельсон. Трагедия Русской Церкви 1917—1945. С. 536—557).

В целом, как убедительно утверждает Рой Медведев, к концу 30-х годов Русская Православная Церковь была фактически разгромлена. Сохранившиеся еще в Москве священники и архиереи были эвакуированы — многие в Ульяновск, и про них в руководящих кругах Москвы никто не вспоминал в течение всего 1942 года (Журнал «Юность», 1989, № 3, с. 74).

Таково было печальное положение Русской Православной Церкви в Советском государстве в период заместительства и местоблюстительства митр. Сергия.

17 лет управлял Церковью митр. Сергий (Страгородский). Фактически он выполнял патриаршие функции и являлся законным Первоиерархом Русской Церкви. Как мудрый управитель, митр. Сергий вел церковный корабль через рифы, скалы и мели, сохраняя его от конечного потопления.

В 1943 году нарком Молотов вел от имени Сталина переговоры с представителями Рузвельта и Черчилля о ликвидации Коминтерна и легализации Русской Православной Церкви. После начала войны кое-что изменилось в отношениях между Советским государством и Церковью. Антирелигиозная пропаганда прекратилась, журнал «Безбожник» не выходил с июля 1941 года. Частичное восстановление прав Церкви отвечало настроениям многих миллионов простых людей, потерявших в войне своих отцов, мужей и сыновей и потянувшихся за утешением, которое давала Церковь. Это один из факторов, побудивших Сталина по-иному отнестись к Православной Церкви (Журнал «Юность», 1989, № 3, с. 74). Он понял, что выпестованная в духе его установок антирелигиозная пропаганда, отслужив свою службу, стала политически несостоятельной и невыгодной. Политический прагматизм диктовал целесообразность обращения как раз к той стороне, которая, по выражению Ярославского, творила «вражеское дело».

Существовал и другой фактор, заставивший Сталина нормализовать именно в сентябре 1943 года отношения с Церковью. Дело в том, что в начале осени 1943 года руководство стран антигитлеровской коалиции готовилось к первой личной встрече в Тегеране. На Тегеранскую конференцию Сталин возлагал большие надежды, связанные с открытием «второго»

«фронта». Для оказания определенного воздействия на союзников с целью скорейшего начала операций против фашистов на Западе или Юге Европы Сталиным искались различные способы. Самой активной поддержкой пользовались общественные движения в Англии и США по оказанию помощи СССР, требовавшие от своих правительств скорейшего начала военных действий против Германии. В числе таких организаций, с руководителями которых личную переписку поддерживал Сталин, был объединенный Комитет помощи Советскому Союзу в Англии под руководством одного из видных деятелей Англиканской Церкви настоятеля Кентерберийского собора Х. Джонсона.

Руководство этой Церкви к началу осени 1943 года уже не раз обращалось к Советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Отказать такому партнеру, да еще накануне Тегеранской конференции, было бы в высшей степени неразумно. Напротив, визит делегации был желателен и надо было бы принять получше. В этой ситуации было крайне выигрышно, чтобы главу делегации — архиепископа Йоркского — приняло высшее руководство Русской Православной Церкви во главе с Патриархом. Это одно отвело бы многие обвинения в адрес СССР за крайне сложные взаимоотношения с Церковью.

Тонкости политические и дипломатические Сталин понимал отлично.

4 сентября 1943 года Сталин пригласил к себе трех митрополитов: Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). На приеме присутствовал и Молотов. Итогом беседы было то, что Правительство СССР разрешало Русской Церкви созвать Собор и избрать Патриарха. (Русское Православие: вехи истории. М., 1989. С. 697).

8 сентября 1943 года митр. Сергий Собором епископов был избран Патриархом Московским и всея Руси.

12 сентября состоялась его интронизация.

Деятельность Святейшего Патриарха Сергия в новых условиях стала развиваться успешно. Был окончательно ликвидирован григорианский раскол, а затем и обновленческий. Была налажена тесная взаимосвязь с Восточными Православными Патриархами: Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским. Замещены вакантные архиерейские кафедры. Возобновлено издание «Журнала Москов-

ской Патриархии». Подготовлены к открытию в Москве (в Новодевичьем монастыре) Православный Богословский институт и Богословско-Пастырские курсы. Для связей и сношений между советской властью и Московской Православной Патриархией при Совете Народных Комиссаров был образован Совет по делам Русской Православной Церкви.

До полного завершения начатых церковных дел Святейший Патриарх Сергий не дожил.

15 мая 1944 года в 6 часов 50 минут он мирно скончался.

Русская Православная Церковь вступила в новый этап своего бытия.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии

www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»

www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.